

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ДОКТОРСКИЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ
СОВЕТ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ,
МИНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ И
СРЕТЕНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

На правах рукописи

иерей Пономарев Дмитрий Анатольевич

ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МАЛЫХ МОНАСТЫРЕЙ
РУССКОГО СЕВЕРА (XIII–XVIII вв.)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации
на соискание ученой степени
доктора церковной истории

Санкт-Петербург
2025

Работа выполнена на кафедре церковной истории Религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор Алексей Владимирович Петров

Официальные оппоненты: **Соколов Роман Александрович**, доктор исторических наук, проректор по воспитательной деятельности и молодежной политике, директор Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Шапошник Вячеслав Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Корзинин Александр Леонидович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Ведущая организация: Екатеринбургская духовная семинария

Защита состоится «30» марта 2026 г. _____ на заседании диссертационного совета по адресу: 191167, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, д. 17, актовый зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной Академии и на сайте <https://spbda.ru/>.

Автореферат разослан «01» февраля 2026 г.

Секретарь Объединенного
докторского диссертационного совета,
кандидат богословия,
кандидат исторических наук

прот. Константин Костромин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. В отечественной историографии существует давняя традиция изучения русских монастырей. Но обращает на себя внимание прежде всего то, что в своих работах исследователи чаще всего уделяли внимание именно социально-политической роли и экономической деятельности обителей. Начиная со второй половины XIX века именно экономика, количество и качество земельных владений, наличие тех или иных производств, промыслов монастырей стало темой, которая наиболее глубоко на сегодняшний день разработана в отечественной исторической науке. Еще одним отличительным свойством отечественной историографии о русских монашеских общинах является то, что подавляющее число исследований посвящено у нас крупным и средним (по существующей ныне классификации) православным монашеским обителям, тогда как большинство русских монастырей на Русском Севере были малобратственными, не имели значительных землевладений и располагались вдали от городов и селений. Изучение истории основания, становления и развития подобных монашеских общин сегодня только начинается. Следует также обратить внимание на тот факт, что на сегодняшний день основной интерес исследователи проявляют лишь к такой форме организации монашеской общины, как общежитие. В то же время пустынножительство, скитская форма организации, внутренняя жизнь иноков малобратственных обителей оказались практически вне поля зрения исследователей. Отсюда **актуальность** представленного диссертационного исследования обоснована необходимостью в появлении работы о пустынных малобратственных монастырях и форме организации этих монашеских общин.

Степень изученности темы и характеристика источников представлены в описании первой главы диссертации.

Объектом представленного исследования является русское монашество Новгородской земли XIII–XVIII вв.

Предметом исследования — малые (малобратственные), по терминологии В. О. Ключевского, «пустынные» православные мужские обители Русского Севера.

Целью исследования является рассмотрение и выявление проблем, с которыми могут столкнуться исследователи при изучении малобратственных, пустынных монастырей Русского Севера.

Для достижения данной цели был решен ряд поставленных **задач**:

1. Максимально выявить круг источников, связанных с малобратственными пустынными обителями, дать им характеристику и систематизировать источниковую базу исследования.

2. Проанализировать опубликованные и неопубликованные источники, посвященные русскому монашеству, для определения степени изученности всего, что связано с деятельностью их общин.

3. Предложить классификацию русских монастырей по форме организации их общин, четко определив, что мы понимаем под малобратственными пустынными монастырями и чем их общины отличаются от киновий и идиоритмических обителей.

4. В результате критического осмысления, интерпретации, синтеза и классификации всех полученных источников, непосредственно отразивших существование пустынных монастырей, выявить их типологические черты на различных этапах исторического развития.

5. Определить роль пустынных монастырей в колонизации Русского Севера;

6. Определить характер взаимоотношений малобратственных пустынных монастырей Русского Севера с более крупными общежительными обителями.

7. Охарактеризовать взаимоотношения между насельниками пустынных монастырей и представителями власти, Новгородским Софийским архиерейским домом, дворянами, купцами, крестьянами и паломниками.

8. Установить роль пустынных монастырей в жизни епархий, их место в истории Русской Православной Церкви и государства.

9. Описать строительную историю архитектурных комплексов пустынных монастырей.

10. Описать повседневную жизнь насельников пустынных обителей, источники содержания этих монашеских общин, особенности устава, праздники, богослужения и посещение паломниками.

Хронологические рамки данного исследования: середина XIII — конец XVIII века. Нижняя граница обусловлена временем фактического появления первых пустынных обителей. Верхней границей являются 70-е годы XVIII века, когда большинство русских пустынных монашеских общин прекратило свое существование. Основная часть материалов исследования относится ко второй половине XVI века, а также к XVII и XVIII вв., что обусловлено наличием сохранившихся источников.

Данные временные рамки являются определяющими для всех малобратственных пустынных монастырей, так как их возникновение связано с началом процесса монашеской колонизации Русского Севера, а завершение деятельности пустынных монастырей напрямую обусловлено монастырской реформой начала правления императрицы Екатерины II. После ее проведения лишь немногие из пустынных малобратственных монастырей в качестве заштатных смогли пережить секуляризацию церковных земель и продолжили свою деятельность до начала XX века.

Географические рамки представленного исследования в целом ограничены территорией древнейшей Новгородской епархии. Мы знаем, что монашеская колонизация Русского Севера шла двумя потоками, один из которых имел свое начало в Великом Новгороде. В первую очередь нас будут интересовать территории, по которым шла новгородская ветвь

колонизации (они впоследствии вошли в состав современных нам Новгородской, Ленинградской, Архангельской областей и Республики Карелии), а во вторую — территории нынешних Вологодской и Череповецкой областей. Исходя из этого, понятие «Русский Север» в представленном исследовании будет трактоваться максимально широко. Это весь Европейский Север России вплоть до Урала, включавший все территории, ранее принадлежавшие Новгородской земле и ее древнейшей Новгородской епархии.

Методология и методы исследования. Выбор научных методов, применяемых в данной работе, обусловлен спецификой источников, а также задачами и целью исследования, которое проведено на базе основного принципа исторической науки — историзма, когда явление или событие рассматривается в историческом развитии с учетом конкретной исторической эпохи.

При изучении агиографических текстов, летописных сообщений, выявленных архивных документов применялись методы археографии, текстологии, кодикологии и следования основным правилам исторической критики источников. Вместе с тем при изучении агиографических источников (житий, исторических повестей о деятельности монастырей) пришлось столкнуться с проблемой недостаточности только критического анализа текстов. Поэтому для преодоления проблемы верификации исторических сведений, которые заключены в житиях преподобных и повестях о начале той или иной обители, необходимо было применить метод работы с агиографическими текстами, когда исследователь обращается не только к отдельно взятым рукописям, но при реконструкции истории жизни святого и начальной истории того или иного монастыря использует целый корпус текстов, которые заключали в себе уникальные, индивидуальные сведения о святом и основанном им монастыре. В данном случае внимание было обращено на сведения, которые заключались не только в житиях преподобных, но и близких к ним текстах.

Говоря о жизни того или иного преподобного, мы не можем обойти вниманием списки редакций жития его учителя, а также собратьев одной с ним духовной семьи — учеников одного учителя. Если воспринимать духовную семью преподобного как систему, то в качестве ее участников могут рассматриваться ученики одного преподобного, которые, в свою очередь, впоследствии основывали свои монастыри, воспитывали своих учеников, формировали свои собственные духовные семьи. Понятно, что все компоненты такой системы находятся в тесном взаимодействии и единстве и не могут транслировать противоречащие друг другу сведения¹. Любая духовная семья-система, конечно же, имеет свою собственную структуру, духовную иерархию, способы самого тесного взаимодействия. В рамках

---

¹ См., например: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 160–161.

историко-системного метода мы можем реконструировать отдельные события, происходившие внутри системы, которые с наибольшей вероятностью можно отнести к тому, что мы называем сведениями исторически достоверными, так как они будут случайными. Именно случайными, а значит, скорее всего, достоверными, будут являться сообщения из житий учеников о жизни учителя и наоборот, так как автор жития святого пишет именно об этом святом, а не о каком-то другом, и эти случайные сведения не имеют для него решающего значения в процессе создания текста жития. В равной степени это относится к сведениям из житий святых одной духовной семьи, когда в житии ученика одного учителя может быть заключена информация о другом его ученике. По словам В. И. Купцова, «историческое описание всегда, по сути дела, — реконструкция. Историк вынужден опираться на свидетельства чужих глаз, не имея возможности увидеть то, что его интересует, собственными глазами»². В данном случае любой текст изучается нами не только отдельно как независимый, а в контексте окружающих его источников³. При этом круг источников расширяется максимально, включая в себя тексты не только агиографического жанра.

Восприятие окружающего мира средневековым человеком, мышление людей, например, XIII века существенно отличаются от мировоззрения человека XXI века. Поэтому в представленном исследовании использовался **метод терминологического анализа** источников, так как понятийный аппарат в языке средневекового человека имеет свои уникальные смыслы.

В исследовании также широко использовался **хронологический метод**, благодаря которому установленные в результате реконструкции события из жизни обителей будут излагаться во временном (хронологическом) порядке с делением всей истории существования монашеских общин пустынных монастырей на определенные исторические периоды. Это необходимо сделать для выявления общих изменений в жизни обителей на разных этапах их развития. Затем, используя **историко-сравнительный метод**, можно опровергнуть или подтвердить гипотезу об особых путях развития небольших малобратственных пустынных монастырей. Сравнение событий, происходивших в различных монастырях в одно и то же время, покажет нам общие для них типологические черты и общие особенности их истории. В результате можно попытаться установить причины этих особенностей, а затем использовать полученный материал для общей реконструкции истории существования всех малобратственных монастырей. Используя, как один из вариантов историко-сравнительного метода, **историко-типологический метод**, установив существенное сходство тех событий, которые происходили в малобратственных монастырях в тот или

² Философия и методология науки. М., 1996. С. 340.

³ Белякова Е. В. Новые сведения о скитском уставе в рукописной традиции XIV–XIX вв. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2003. № 1 (30). С. 6.

иной исторический период, можно объединить их в один тип с общими для них особенностями развития.

Научная новизна исследования заключается в том, что на примере пустынного Антониево-Дымского мужского монастыря и подобных ему малобратственных обителей впервые была осуществлена попытка комплексной наиболее полной реконструкции общей истории малых (малобратственных), пустынных монастырей Русского Севера, а также предложена типология русских обителей, в основу которой положено не количество землевладений и число братии, а форма организации иноческих общин. Таким образом были обозначены границы и даны определения не только такого исторического явления, как малобратственный пустынный монастырь, но и обителей с другой формой организации (общежитие и идиоритм). Также было установлено, что «монашествующие» поселения при погостских церквях XV–XVII вв. не могут считаться полноценными монашескими общинами. По ходу исследования также были описаны те проблемы, с которыми могут столкнуться современные исследователи при изучении феномена пустынного монастыря.

Результаты проведенного исследования позволили в представленной работе при сравнении текстов житий преподобных и исторических повестей, рассказывающих о начале монастырей, прийти к ряду обобщений, выявлению общих черт, касающихся действий при основании и становлении небольших обителей. К точно таким же обобщениям об общности в развитии удалось прийти, рассматривая источники, отражавшие период зрелости малобратственных монастырей и переход части из них к общежитию. При этом большую помощь оказало наличие ряда современных исследований, посвященных монашеским общинам Русского Севера, авторы которых, описывая историю конкретной обители, не относили ее к малобратственным монастырям.

Удалось также установить, что малобратственные обители сыграли определяющую роль в становлении старообрядческого движения и во многом помогли наличием системы своей организации и богослужебного устава появлению поселений приверженцев раскола.

Сравнение происходивших в малобратственных монастырях событий на широком материале использованных источников позволило приблизиться к пониманию того, как и на каких принципах существовали малобратственные монашеские общины, как они взаимодействовали с окружающим миром и какую роль они сыграли в истории нашего Отечества.

Степень достоверности результатов проведенного исследования обеспечена:

- использованием достаточной для достижения цели исследования источниковой базы, включая все возможные виды источников;
- учетом российских и зарубежных исследований, посвященных проблематике диссертации;

- выполнением исследования с использованием совокупности общегуманитарных методов и специальной теологической методологии, методологической обоснованностью исходных положений, применением комплексного подхода всех необходимых методов;
- достаточной апробацией результатов исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые было дано определение и обозначены границы такого исторического явления, как малообратственный пустынный монастырь. Также предложена типология русских обителей, в основу которой положено не количество землевладений и число братии, а форма организации иноческих общин. Тем самым заполняется очевидный пробел в изучении истории русского монашества XIII–XVIII вв.

При анализе житий преподобных было предложено использовать метод, который ранее широко не применялся при изучении агиографических текстов. Применение метода, который определяется как системный, предполагает, что жизнеописания подвижников благочестия рассматриваются не отдельно друг от друга, а комплексно, когда устанавливаются связи между святыми одного круга, тексты житий которых подтверждают достоверность исторических сведений, заключенных в агиографических текстах, повествующих о святых одной духовной семьи. Многочисленные примеры подобных духовных семей мы знаем. Это, например, духовные семьи преподобных: Варлаама Хутынского, Евфросина Псковского, Александра Сvirского и др.

Применение подобной методологии было необходимо потому, что иначе мы не сможем верифицировать сведения, которые заключены в житиях преподобных. На этом пути предпринята попытка хоть в какой-то степени преодолеть одну из самых важных проблем при реконструкции истории русских монастырей — проблему предвзятого отношения к агиографическим текстам как априори недостоверному историческому источнику.

Практическая значимость исследования. Результаты представленного исследования стали основанием для составления автором современного текста жития преподобного Антония Дымского, когда были рассмотрены и осмыслены со всеми разночтениями все известные на сегодняшний день списки текстов о начальнике Дымской обители и проверена достоверность заключенных в них исторических сведений. При этом были использованы сведения из житий святых, учителем которых, в том числе и Дымского чудотворца, являлся преподобный Варлаам Хутынский.

По результатам исследований текстов житий преподобного Антония Дымского, его учителя преподобного Варлаама, а также других учеников Хутынского чудотворца, по благословению Преосвященнейшего епископа Тихвинского и Лодейнопольского Мстислава (Дячины), Антониево-Дымский монастырь издал брошюру для паломников «Житие преподоб-

ного Антония Дымского чудотворца»⁴, содержащую критически переработанный и составленный автором текст жития основателя Антониево-Дымского монастыря.

Материалы данного исследования могут быть использованы для проведения реконструкций истории любой из малобратственных обителей Русского Севера, для чтения лекций по истории России, истории Русской Церкви, русской святости, при разработке спецкурсов по истории русского монашества и монастырей, спецкурсов по русской агиографии.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования частично были изложены в докладах на следующих конференциях и семинарах: XII Мордвиновских краеведческих уездных чтениях (Тихвин, 2015); семинаре Отдела древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург, 2016); XIV Мордвиновских краеведческих уездных чтениях (Тихвин, 2017); II Всероссийской научно-просветительской конференции «Под покровом преподобного Сергия: Святые и подвижники Русского Севера» (Череповец, 20–21 мая 2017); Научной международной конференции СПбДА «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимовлияния и взаимодействия» (Санкт-Петербург, 21–22 июня 2018); на Международной научно-практической конференции «Святой Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России» в Санкт-Петербургской духовной академии 19 октября 2020 года, приуроченной к 800-летию рождения святого благоверного князя; на Международной научной конференции «История, культура, быт монастырей Средневековой России» в Санкт-Петербургской духовной академии 4 июня 2022 года; на Международной научной конференции «Древнерусский город и его округа через призму источников и историографии», которая состоялась 3–4 июня 2022 года в Санкт-Петербургской духовной академии; 6 июня 2023 года на Международной научной конференции в СПбДА «Древнерусское монашество в источниках и историографии (история, агиография, археология, философия, право, быт и нравы)»; на Международной научной конференции в СПбДА «Князья, иерархи и люди Древней Руси между властью, повседневностью и храмом», которая состоялась 3–4 июня 2024 года; на семинаре Отдела древнерусской литературы в Институте русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург) 27 ноября 2024 года; на Всероссийской научной конференции с международным участием в СПбДА «Древнерусские книжники и книжность: личности, тексты, сюжеты, смыслы» 26–27 мая 2025 года; на Всероссийской научной кон-

---

⁴ Пономарев Димитрий, свящ. Житие преподобного Антония Дымского как достоверный исторический источник. СПб., 2014. С. 22–63; Житие преподобного Антония Дымского чудотворца. СПб., 2016. 32 с.

ференции «Монастыри Северо-Запада России в истории государственности» (Великий Новгород) 17–19 ноября 2025 года.

Основные положения представленного исследования были частично рассмотрены автором в двадцати публикациях: четырех научных монографиях и шестнадцати статьях в журналах в соответствии с перечнем ВАК и Общецерковным перечнем рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей ученой степени доктора церковной истории. Общий объем опубликованных статей и монографий автора по теме диссертационного исследования составляет 97,9 п. л.

Положения, выносимые на защиту:

1. При реконструкции истории малобратственных пустынных монастырей Русского Севера оказалось возможным обозначить границы данного исторического явления.
2. Используя классификацию русских православных обителей Новгородской земли XIII–XVIII вв., исходя из форм организации монашеских общин, вместо существующего ныне деления обителей на малые, средние и крупные, согласно имевшимся в их распоряжении землевладениям и зависимым крестьянам, русские православные мужские монастыри могут подразделяться на малобратственные пустынные, идиоритмические (своежитные) и общежительные обители.
3. На материалах писцовых описаний установлено, что проживавшие при погостских церквях Новгородской земли сообщества «монашествующих» (старцев, стариц, нищих), появившиеся в большом числе в XV–XVI вв., не являются монастырями, так как в подавляющем своем большинстве не смогли ни де-факто, ни де-юре сформировать самостоятельные монашеские общины, располагались на землях и молились в храмах погостов и во всем подчинялись решениям их мирских общин, за счет подаяний которых они существовали.
4. Начало монашеской колонизации Русского Севера мы можем отнести ко второй половине XIII века, когда вне городов и их ближайших пригородов начали появляться первые мужские малобратственные пустынные монашеские общины Новгородской земли.
5. Обращая внимание на исключительное значение произведений агиографического жанра (житий святых и повестей), которые повествуют о начальном периоде истории подавляющего большинства монашеских общин, возможно выделить при проведении анализа текстов индивидуальную (вне топосов, общих мест, цитат и т. д.) информацию о преподобных и созидаемых ими монастырях с последующей ее верификацией, чтобы полученная достоверная

информация могла быть использована для реконструкции истории обителей.

6. Обычно мужские малобратственные пустынные обители Русского Севера основывались в ненаселенных, труднодоступных местах на высоком холме (на острове посреди озера или реки, полуострове, отделенном со всех сторон от внешнего мира водой (болотами), и т. д.) и строились по определенному образцу, отвечавшему необходимым требованиям для жизни ее насельников.
7. Богослужения в малобратственных пустынных монастырях могли проводиться без наличия у монашеской общины на первых порах храма (в часовне), а затем в церкви, без священника по специальному скитскому уставу, который начал распространяться на Руси с появлением рукописей Иерусалимского Устава.
8. Деятельность насельников мужских малобратственных общин на Русском Севере была направлена прежде всего не на предоставление материальной помощи мирянам (иноки этих обителей были призваны вести нестяжательный, молитвенный образ жизни), а на духовное окормление приходящих в обитель паломников.
9. Насельники малобратственных пустынных обителей Русского Севера для исключения участия в мирской жизни не стремились к приобретению значительных земельных владений, обеспечивая себя сами или получая содержание за счет предоставляемой «милостыни государевой» (руги), а также пожертвований благотворителей.
10. Малобратственные пустынные обители на Русском Севере сыграли огромную роль в становлении старообрядческого движения. В его начале они часто служили убежищем для скрывавшихся от властей раскольников, затем становились центрами приверженцев старого обряда, и в конце концов внутренняя жизнь иноков пустынных обителей, их богослужебный и дисциплинарный устав легли в основу организации самостоятельных старообрядческих поселений.
11. Начиная со времени Стоглавого собора и вплоть до начала правления Екатерины Великой правительства русских государей стремились всеми силами ограничить деятельность, а впоследствии почти полностью ликвидировали существовавшие малобратственные пустынные монашеские обители, законодательно запретив основывать новые.

Структура исследования основана на хронологическом принципе. Оно состоит из введения, четырех глав и заключения. Работа снабжена списком использованной литературы и источников, списком сокращений, указателем икон, прорисей, гравюр, литографий, фотографий и карт. Есть ссылка на видеоматериалы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются: актуальность темы исследования; характеризуется степень разработанности проблемы; определяются объект и предмет, цель и задачи, хронологические и географические рамки исследования; дается оценка научной новизне, теоретической и практической значимости, методам и методологии, применяемым при проведении исследования; формулируются положения, выносимые на защиту; сообщается информация о степени достоверности, апробации результатов исследования и структуре диссертации.

В **первой главе** «Историография и источники» приводится историография работ, посвященных истории русского монашества, и дается ее тщательный анализ, а также рассматриваются использованные в исследовании источники.

При реконструкции истории малобратственных пустынных монастырей Русского Севера мы сталкиваемся с ситуацией, когда отдельные частные стороны прошлого подобных обителей уже рассматривались, но целостные реконструкции истории подобных монастырей только начинают появляться. В большинстве же своем в публикациях, посвященных православным монастырям, сведения о пустынных обителях не превышают в справочной литературе одного-двух абзацев, а в изданиях, чаще всего имеющих обзорный характер, авторы ограничиваются небольшими очерками о малобратственных обителях. Причем целый ряд публикаций, которые посвящены пустынным монастырям (это прежде всего касается работ петрозаводских исследователей), не определяется авторами как статьи и монографии об особом типе малобратственных монашеских общин.

Интерес к прошлому русских монастырей возник в конце XVIII — первой половине XIX в. История их изучения в целом условно подразделяется на три периода. Первый период — дореволюционный, когда с конца XVIII века стали появляться очерки, небольшие брошюры для паломников, посвященные истории отдельных обителей. Назвать их научными исследованиями можно лишь с большим трудом. Чуть позже, в начале XIX века, появляются различного рода справочные издания с небольшими статьями о монастырях. Середина XIX века уже отмечена выходом в свет первых критических исследований, посвященных житиям русских святых, а также первых исследований по истории как русского, так и восточного монашества. Предпринимаются попытки описаний внутреннего устройства, форм организации монашеских общин. В этих описаниях авторы начинают активно использовать архивные документы. Первый период заканчивается с началом XX века, когда уже предлагается методология исследования обителей, изучаются такие явления, как русская святость и духовничество, делаются попытки разделения жизни русского монашества на исторические периоды.

Вторым периодом в изучении русских монастырей, который достаточно тесно связан с первым, является советский период. В это время внимание исследователей было обращено прежде всего на изучение землевладений, экономики крупных обителей, когда монастырь рассматривался прежде всего как коллективный феодал, угнетатель зависимых от монастырей крестьян. И наконец, третий, современный период обусловлен тем, что исследователи уже не ограничиваются идеологическими предпочтениями и могут заниматься тем, что мы называем внутренней, повседневной жизнью обитателей монастырей.

Описав историографию работ о русском монашестве, можно прийти к выводу, что исследователи в основном проделали огромную работу по изучению крупных монастырей Древней Руси. В последнее время, особенно на рубеже XX и XXI вв., начали появляться исследования, посвященные средним (по существующей ныне классификации) и малым обителям. В большей мере была изучена хозяйственная деятельность монастырей, их отношения со светскими властями, церковными иерархами и местным населением. В меньшей — формы организации русских монашеских общин, их внутренняя и духовная жизнь. Однако, подойдя вплотную к проблеме изучения малых (малобратственных) пустынных монашеских общин, исследователи в силу ряда причин пока не смогли окончательно определиться с тем, что представляют собой подобные монастыри, какие цели и задачи ставились и решались иноками этих обителей и какое место они занимали в истории нашего Отечества.

Представленное историческое исследование опирается на широкий круг опубликованных, а также пока еще не введенных в научный оборот источников, которые сосредоточены ныне в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Самары, Киева, Петрозаводска и других городов. Среди письменных были рассмотрены **нарративные** источники: жития основателей и исторические повести о начале истории того или иного монастыря Русского Севера, летописные сообщения о деятельности преподобных и основанных ими монастырей и богослужебные книги. При реконструкции истории малобратственных монастырей большое количество информации мы можем получить из документов личных архивов, материалов **личного** характера (воспоминаний, дневниковых записей, описаний паломничеств).

В исследовании широко представлены **материалы писцового дела**: писцовые, переписные, дозорные книги Обонежской и других пятин Новгородской земли, содержащие в основном данные о земельных угодьях, принадлежавших в том числе и монастырям. В них мы встречаем и описания обителей, расположенных на территориях погостов. Рассматривались также описи построек монастырей и их имущества, которые составлялись при вступлении в должность новых строителей и игуменов.

Также в исследовании использовались **актовые материалы**: жалованные, наказные грамоты, указы, памяти, челобитные и т. д., содержащие

сведения по истории пустынных обителей. Все перечисленные документы отражают состояние пустынных монастырей в XVI–XVIII веках.

В представленном исследовании широко используются **материалы делопроизводства**, к которым относятся документы архива Святейшего Синода, хранящиеся ныне в РГИА, документы Новгородской духовной консистории (ГАНО. Ф. 480), документы ЦГИА. Эти источники содержат исторические справки монастырей и послужные списки монахов. В них мы найдем описания зданий и хозяйственных построек архитектурных комплексов обителей и т. д.

Также достаточно широко в исследовании использовались **законодательные источники** Российского государства. Это указы правительства разных лет, значительная часть которых опубликована в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗ)⁵. Этот сборник включает в себя три собрания. Первое собрание охватывает законы, изданные с 1649 по 1825 год. Второе — с 1825 по 1881 год. Третье — с 1881 по 1913 год. Также широко использовались документы «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания» (далее ПСПиР). Некоторые постановления и распоряжения Святейшего Синода мы находим также в «Описании документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода» (ОДАС). В основном в этих источниках заключены сведения о событиях истории русского монашества XVII–XIX вв.

В целом документов, связанных с историей малообратственных обителей, сохранилось не так уж много, и они рассеяны по многочисленным делам архивов, не составляя порой отдельных фондов монастырей. Поэтому пришлось максимально расширять источниковую базу исследования. Существенной особенностью описания источников является то, что, помимо письменных (при их существенном недостатке и трудностях в розыске), в нем приводится описание еще и художественно-изобразительных, изобразительно-графических источников и вещественных археологических материалов.

При проведении исследований, посвященных реконструкции истории малообратственных обителей, возможно использование изображений на иконах, надписей и клейм на них, прорисей, гравюр, которые наглядно рассказывают о строительной истории пустынных монастырей. Эти материальные свидетельства хранятся в МГОМЗ, НГОМЗ, БАН, Русском музее, Музее изобразительных искусств Республики Карелии, Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике и в других собраниях. Также могут широко использоваться **изобразительно-графические** источники: карты, схемы, чертежи периода XVII и до начала XIX века, планы генерального

---

⁵ Первое собрание 1830 года, составленное под руководством М. М. Сперанского, включает более 30 тысяч законодательных актов с 1649 по 1825 год.

межевания конца XVIII в.⁶ На них мы находим изображения построек архитектурных комплексов того или иного монастыря⁷, или же они помогают нам в определении местоположения той или иной обители⁸. Такого рода источники были задействованы и при написании данной работы.

Обращение к **археологическим материалам** при проведении научного исследования порой позволяет убедительно доказать, что на той или иной территории располагались древнейшие обители Русского Севера. Так, в ноябре 2020 года ООО «НИиПИ Спецреставрация» г. Санкт-Петербурга в рамках научно-исследовательской работы по теме диссертационного исследования С. Е. Шуньгиной «Город Тихвин XIV–XVIII веков по данным археологии» на территории Антониево-Дымского монастыря проводились разведочные раскопки. В центральной части монастыря было заложено 6 шурфов общей площадью 21,5 кв. метра и траншея площадью 21 кв. метр с целью изучения культурных напластований и их особенностей. Справа от входа в Казанский собор обители, ближе к игуменскому корпусу, помимо керамики рубежа XIV–XV века археологи обнаружили следы пожара. Из стенки траншеи, непотревоженного углистого слоя над материковым песком, были взяты пробы для последующего анализа.

Затем в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» на кафедре геологии и геоэкологии факультета географии в Лаборатории изотопных исследований ЦКП «Геоэкология» был проведен радиоуглеродный анализ образцов, взятых из раскопа. Результаты анализа уверенно указали на существование в XIII веке на месте, где ныне стоит Антониево-Дымский монастырь, поселения. «Образец № 1, взятый из предматериковой углистой прослойки на непотревоженном участке восточного профиля траншеи, дал калиброванную дату 1225–1281 гг.(!)»⁹ Таким образом,

⁶ См. например: Владения священно- и церковнослужителей Антониево-Дымского монастыря. Специальный геометрический план масштабом в 1 англ. дюйме 100 сажень. Выполнен премьер-майором Матвеем Воейковым, секунд-майором Николаем Нелидовым и землемером второго класса Петром Биляшиным. 3 августа 1778 года // РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 525. Л. 1.

⁷ См., например, публикацию: Яковлев В. О. Чертеж Моржегорского Никольского монастыря 1694 г. из коллекции архива Санкт-Петербургского института истории РАН // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 34. С. 180–196.

⁸ См., например: Атлас Всероссийской Империи. Собрание карт И. К. Кирилова. СПб., 1722–1733. 41 с. (Опубл. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book16667/#page/6/mode/1up> (дата обращения: 02.11.2024)). Карта Северной Чasti Новгородской Губернии с ея провинциями и Уездами 1772. СПб., 1772. 1 к. (1 л.) (Опубл. URL: <https://antikwar32.ru/karty/novgorodsk> (дата обращения: 02.11.2024)).

⁹ Шуньгина С. Е. Отчет об археологической разведке 2020 г., проведенной на территории Антониево-Дымского Свято-Троицкого монастыря (Ленинградская область, Бокситогорский район, д. Красный Броневи́к) и Тихвинского городского

результаты археологических исследований подтвердили сведения, изложенные в тексте жития преподобного Антония Дымского, в котором сообщается о приходе святого на Дымское озеро в 1243 году. Здесь важно отметить, что о деятельности Дымской обители в XV, XVI, XVII веках, несмотря на культурный слой не более 0,7 метра, говорило наличие в нем многочисленной керамики, которая принадлежала к указанным периодам. Подобного рода находки, свидетельствующие о существовании обителей, находят на территориях и других монастырей¹⁰.

4 мая 2021 года руководителем раскопок, аспирантом Института археологии РАН Светланой Евгеньевной Шуньгиной на Международной научной конференции «История, культура, быт монастырей Средневековой России», которая состоялась в Санкт-Петербургской духовной академии, был сделан доклад. Она представила научному сообществу результаты археологических изысканий, проведенных на территории монастыря. Позднее доклад был опубликован в качестве научной статьи в № 1 журнала «Христианское Чтение» за 2022 год¹¹.

Во **второй главе** «Типология русских монастырей по форме их организации» дано описание общежительных, идиоритмических (своежитных) и малобратственных пустынных монастырей. Также рассматривается такое явление, как проживание монашествующих при погостских церквях.

Когда мы приступаем к изучению истории монастырей, приходится признать, что это сразу же влечет за собой необходимость преодоления методологической проблемы, связанной с разделением их по количеству имеющихся землевладений и числу дворов на «крупные», «средние» и «малые». Подобного рода используемая до сих пор типология не отвечает современным требованиям. У монастырей в разное время их существования могло быть разное количество землевладений или могло не быть их совсем, разнилось и число братии. При своем основании обители могли быть малобратственными. Затем число братии увеличивалось, увеличивались и их землевладения. Впоследствии их число могло вновь уменьшаться. С другой стороны, после манифеста императрицы Екатерины II о секуляризации церковных земель, когда все монастырские земли были переданы в управление Коллегии Экономии, как, впрочем, и в наше время, говорить о применении деления обителей на «крупные», «средние» и «малые» в зависимости от количества у них земель и дворов не представляется воз-

---

поселения (Ленинградская область, Тихвинский район). ООО «НИиПИ Спецреставрация». СПб. 2021 (рукопись) // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 67962. № 67963 — Альбом иллюстраций к отчету.

¹⁰ См., например: Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю. История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В. В. Седова: материалы 60-го заседания. Вып. 30. М.; СПб., 2015. С. 143–151.

¹¹ Шуньгина С. Е. Гипотезы и факты в истории Антониево-Дымского монастыря // Христианское Чтение. 2022. № 1. С. 279–289.

возможным. Проблема типологии монастырей не решена до сих пор. Вернее сказать, до сих пор не предложена типология, которая не зависела бы от формального подхода, который господствует ныне.

При описании общежительных обителей во второй главе рассматривается история их возникновения. Отмечается, что как правило, киновии на Востоке в Египте и в Палестине в IV и V вв. являлись структурными подразделениями при лаврах пустынножителей. Они служили местом для подготовки новоначальных иноков к более совершенной жизни пустытника. Настоятели киновий находились в прямом подчинении аввам лавр. Только прошедший школу многолетнего искуса послушания в общежитии мог просить для себя благословения на самостоятельную уединенную жизнь, которая все равно должна была проходить под присмотром духовного наставника, к чему стремились пустынножители. Дается пояснение, что сегодня под лаврой мы понимаем крупный общежительный монастырь, имеющий как святыня общерусское значение. Но в первоначальный период истории церкви они являлись не крупными общежительными обителями, а поселениями монахов-пустынников. Лавры на Востоке представляли собой средоточие келий, где подвизались пустынники, объединенные желанием жить рядом с известным своими духовными подвигами аввой, чтобы получать от него наставления для совершенствования своей духовной жизни. Власть аввы ничем не ограничивалась. На самом деле в подобных лаврах не было ни начальников, ни подчиненных. Руководство аввы подвижниками не носило обязательного характера. Инок добровольно подчинял свою волю избранному им для духовного руководства авве. Жизнь этих анахоретов была в высшей степени аскетичной.

У многих исследователей монашества сложилось ошибочное мнение, что отношение к общежитию как к форме организации иноков всегда было только положительным. Но это не так. Например, в 970 году пустынножители восстали против преподобного Афанасия Афонского и созидаемой им на Святой горе Великой Лавры. Пустынники считали такую форму организации, как общежитие, неприемлемой для монашествующих, хотя устав в Лавру был принесен Афанасием из Палестины, из лавры преподобного Саввы Освященного. Только благодаря вмешательству всеми почитаемого игумена Студийского монастыря Евфимия конфликт удалось с большим трудом погасить. На собрании всех игуменов Афона в Карее было предложено принять документ, в котором содержалось 28 общих для афонских монахов правил, так называемый «Трагос»¹². Этим документом, который был утвержден в 971 году императором Иоанном

¹² Этот устав получил наименование «Трагос» (от греч. τράγος — «козел»; документ написан на пергаменте, выделанном из козлиной шкуры, и хранится в архиве Протата). Под документом стоит 56 подписей, 47 из которых принадлежат игуменам афонских монастырей (Русский Афон XIX–XX веков: в 16 т. Святая Гора Афон, 2015. Т. 4.: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с древнейших времен до 1735 года. С. 25).

Цимисхием, объявлялось равноправие между киновитами, келлиотами и пустыннобесмолвствующими¹³. Более того, согласно десятому пункту данного Афонского устава, с этого времени дозволялось становиться отшельниками только тем монахам, которые вначале прошли школу смирения и послушания в общежительных монастырях под руководством игуменов и которых последние признали способными к анахоретству¹⁴. Таким образом, общежительные монастыри стали лишь первой ступенью для подготовки инока к пустынножительству. В данном случае монахи Афона ничего нового не изобрели, они лишь утвердили на Святой горе ту практику, которая изначально существовала в Палестине и Египте.

Когда мы говорим о русском монашестве, то исследователи чаще всего довольно схематично представляют историю его развития. Многие до сих пор искренне убеждены в том, что чуть ли не все иноки на Руси стремились к такой форме организации монашеской общины, как общежитие. Причем до сих пор не существует порой четкого понимания того, что собой представляет общежитие. Еще Н. К. Никольский по этому поводу отмечал, что «терминология относительно внутреннего строя монастырей в русской литературе крайне неустойчива ...»¹⁵

Чаще всего исследователи определяют «общежитие» наличием или отсутствием в монастыре общей для монахов трапезы, владением общим имуществом. Но главным отличительным признаком киновии является не владение общим имуществом, не наличие общей трапезы (в идиоритмических монастырях у иноков тоже был в обители общий храм и они могли устраивать общие для всей братии трапезы), а прежде всего наличие у монашеской общины развитой иерархии, начальствующих монахов, которым игумен в качестве послушания делегирует часть своих управленческих полномочий для осуществления руководства над многочисленной братией монастыря. Иерархия эта нужна только при значительном увеличении числа братии в крупных общежительных монашеских общинах.

Если братия не имеет общей для всех цели созидания своего монастыря, хотя некое подобие внутримонастырской иерархии существует, то в данном случае по факту мы имеем дело с такой формой организации монашеской общины, как идиоритм (своежитие). Есть еще один существенный признак для определения идиоритма. В такой монашеской общине духовное руководство не осуществляется, должность игумена номинальна, он не имеет над общиной сколько-нибудь реальной духовной или административной власти (община управляется советом наиболее авторитетных

¹³ Порфирий (Успенский), еп. Восток Христианский. Афон. Киев, 1877. Ч. III: Афон монашеский. Отд. I. Судьба его с 676 по 1204-й. С. 102.

¹⁴ Там же. С. 84; см. также: Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины XI до начала XIII века (842–1204). СПб., 2003. С. 200.

¹⁵ Никольский Н. К. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре, в XV и XVI веках и в начале XVII-го // Христианское чтение. 1907. № 8. С. 168, прим. 2.

монахов-вкладчиков). Эта форма организации была наиболее характерной на Руси прежде всего для городских и пригородных монастырей.

Итак, помимо общежития, существует такая форма организации монашеской жизни, как *своежитие*, или *идиоритм* (ιδιόριθμος)¹⁶, когда монахи живут отдельно и обособленно друг от друга (порой в собственных кельях-домах), собираясь лишь на совместные богослужения. Они порой не имеют общей трапезы, ведут собственное хозяйство и пользуются собственным, принадлежащим только им, а не монастырю, личным имуществом, которое могут продавать и завещать по собственному желанию кому угодно. Как правило, на доходы от этого личного имущества большинство насельников идиоритмов и жило. При вступлении в братию такого монастыря будущий насельник делал вклад деньгами или имуществом на общие нужды монастыря. Чем больше вклад, тем выше было положение в обители монаха-вкладчика. При этом богатым вкладчикам даже разрешалось иметь своих собственных слуг¹⁷.

Почему к XIV веку как в Византии, так и у нас на Руси значительно увеличилось число своежитных монастырей? Мы знаем, что на монастыри не распространялась, как на городские церкви, система десятин¹⁸. Как раз в это время иноки уже не могли рассчитывать на помощь состоятельных ктиторов, которые могли взять на себя содержание обителей, как это было ранее. Как Русь, так и Византия практически одновременно подверглись вражеским завоеваниям. Русь переживала ордынское нашествие, а Константинополь — латинское.

Если ввиду вышеупомянутых вражеских нашествий число состоятельных ктиторов стремилось к нулю, основывая и, что самое главное, впоследствии содержать многолюдные общежительные монастыри было уже некому. Именно по этой причине на Руси практически исчезают монастыри общежительного типа. Монашество вынужденно выживало, принимая идиоритм, т. е. переходило на самообеспечение, более рассчитывая на монахов-вкладчиков. В пустынных же обителях, желая только богообщения, послушания, советов старца для достижения внутреннего духовного совершенства, монахи избирали для своего спасения духовных отцов, которые теперь волей-неволей становились ктиторами-основателями новых монастырей¹⁹ и которые за счет своих средств и связей сами содержали малобратственные общины иноков.

¹⁶ Соколов И. И. Состояние монашества в Византийской церкви с половины XI до начала XIII века (842–1204). СПб., 2003. С. 263.

¹⁷ Соколов И. И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. СПб., 1904. С. 17.

¹⁸ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 150.

¹⁹ Такой же точки зрения придерживается и В. И. Петрушко. Он пишет, что «главной чертой монашеской жизни, переживавшей в то время подъем, стало усугубление молитвенного подвига в сочетании с усилением аскетической практики, для чего монахам необходимо было уединение и удаление от мирской суеты и соблазнов.

В случае, когда в монашеской общине отсутствовала иерархия, а игумен был облечен всей полнотой духовной и административной власти и как отец действительно управлял духовным возрастанием братии, мы имеем дело с пустынным малобратственным монастырем. Само отсутствие иерархии, в учреждении которой просто не было необходимости, обусловлено здесь малым числом братии. Теперь следует упомянуть о самом важном признаке того, что перед нами действительно община пустынного монастыря. Это наличие добровольного послушания только духовнику. При увеличении числа насельников игумен уже вынужденно должен был начинать раздачу более способным членам своей братии начальственных послушаний. В противном случае управлять крупным монастырем не представляется возможным.

Малобратственный пустынный монастырь является как бы предтечей общежития, а никак не своежитный монастырь, где братия не знает, что такое послушание. Если братия не готова подчиняться одному духовнику-игумену, как же она сможет находиться в послушании у находящейся при введении общежития монастырской иерархии? Не потому ли так долго вводилось общежитие на Руси, что своежитные монастыри не знали послушания, а малобратственные пустынные не хотели, чтобы в них была учинена подобная иерархия? Еще раз подчеркнем, что именно пустынные монастыри, а не своежитные обители, при увеличении числа братии, не всегда, правда, безболезненно, но все же естественным образом переходили к общежитию. В этом смысле В. О. Ключевский тоже ставил знак равенства между пустынным монастырем и киновией, прямо называя подобную обитель «пустынный общежительный монастырь»²⁰. Конечно, пустынные монастыри на первый взгляд имели много общего с киновиями, но были и существенные отличия.

Русские малобратственные пустынные монастыри имели схожую даже не с византийскими, а с египетскими и палестинскими обителями весьма древнюю форму организации. Эти общины основывались вдали от поселений, чтобы максимально быть независимыми и исключить любое мирское влияние на ее деятельность. По нашему мнению, уже с конца XIII — в начале XIV века эта форма организации становится идеалом для русского монашества.

Известный археограф, юрист, историк русского права, издатель «Временника», ординарный профессор Императорского Московского университета по кафедре русского законодательства И. Д. Беляев во втором томе «Рассказов из русской истории», как и П. С. Казанский, подчерки-

Еще одной важнейшей особенностью монастырей того времени было то, что теперь их чаще всего основывали не ктиторы из числа представителей социальной элиты, а монахи-подвижники» (Петрушко В. И. Преподобный Сергей Радонежский и возрождение русского монашества в середине XI – начале XV вв. // Культура и наследие России. М., 2017. № 3. С. 27).

²⁰ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 245.

вал, что именно пустынные монастыри, построенные благочестивыми отшельниками, которые, как правило, были малыми и изначально бедными, пользовались несравнимо большей свободой и самостоятельностью, так как в меньшей степени зависели от внешнего содержания, которое они получали от своих ктиторов-благотелей. Такие монастыри были непосредственно в ведении владыки новгородского, состояли под его судом. И сам владыка не оставлял их своим покровительством, так как «это были лучшие монастыри в новгородских владениях, отличавшиеся более строгим устройством и пользовавшиеся большим уважением у народа»²¹.

Следует также отметить, что существенным отличием русских мало-братственных пустынных монастырей от византийских, и прежде всего афонских, скитов является то, что в Византии скиты располагались не на собственных, а на землях крупного общежительного монастыря, зависели от него и находились у него в полном подчинении. Русские же пустынные обители, как правило, были самостоятельными монастырьками, располагались на собственных землях, имели собственные храмы и приходили на суд и за благословением не к игумену киновии, а непосредственно к правящему архиерею.

Мы знаем, что не только в самом Новгороде и его пригородах, но и при погостских церквях в XVI–XVII вв. стали массово появляться монашеские сообщества для призрения престарелых, нищих жителей этих волостей и погостов. Если мы говорим о погостских церквях, то чаще всего появление монашествующих при храмах было делом мирского сообщества.

При устройстве своей церкви крестьяне погоста были озабочены не только обеспечением ее причта всем необходимым, но и содержанием проживавших при погостском храме монашествующих, престарелых и нищих, которые в прошлом являлись дееспособными членами крестьянской общины погоста²². В случае с монашествующими при погосте юридическим лицом всегда выступал мир, а не «монашеская» община погоста. Мир, обладая черно-тягловыми землями, сообще платил налоги. Для учреждения «монашеской общины» при погостской церкви опять же требовалось решение мира²³.

В заключение всего вышесказанного можно прийти к выводу, что проживавшие при погостских церквях были уже людьми преклонного возраста, не могли обеспечивать себя трудом, поселялись в ограде храма на заслуженный отдых и во всем зависели от мирских сообществ погостских церквей. Содержание их было явно недостаточным (они не обладали ни землей, ни правами на имущество, ни самостоятельностью в принятии решений и с течением времени превратились из «старцев» и «стариц»

²¹ Беляев И. Д. Рассказы из русской истории: в 4 т. М., 1864. Т. 2.: История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. С. 137.

²² Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. С. 268.

²³ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни на севере России в 15–17 вв. СПб., 1913. С. 107.

в «нищих»), и полноценными, так называемыми собственными монастырями их сообщества назвать нельзя.

В **третьей главе** «Феномен малобратственного пустынного монастыря Русского Севера» говорится: о монашеской колонизации Русского Севера; о времени появления первых русских пустынных обителей; о житиях святых, повестях и сказаниях как источниках для начальной истории монастырей; о выборе места преподобными для созидания монастыря; о ктиторах пустынных обителей; об архитектуре малобратственных пустынных монастырей; об уставах русских пустынных обителей; о социальном служении пустынных монастырей и о содержании насельников пустынных обителей.

В. О. Ключевский писал о том, что начиная с XIV века пустынные монастыри составляли уже половину от общего числа всех вновь основанных русских православных обителей. В XV веке городских обителей остается лишь треть, число их неизменно падает, а пустынные монастыри превосходят их более чем вдвое (57 и 27). В XVI веке пустынных монастырей в полтора раза больше городских (51 и 35)²⁴. С окончательным становлением монастыря нового типа, т. е. пустынного, по мнению В. О. Ключевского, «монастырская колонизация принимает характер стройного непрерывного и самостоятельного движения»²⁵. По подсчетам митрополита Макария (Булгакова), со второй половины XIII века и до первой половины XV века было основано 286 новых обителей²⁶. В своей статье «Монастыри новгородские (до XVI века)» А. Г. Бобров приводит следующие данные о составе новгородских монастырей. По его мнению, к концу XV века в новгородских землях существовало 132 монастыря. Девять из них были городскими. 49 располагались в ближайших пригородах, не далее 30 верст от Новгорода. 69 было основано на территории пятин новгородских и «пять — на территории северных колоний республики»²⁷. В. А. Янин считал, что к началу XVII века «в дальних новгородских землях (включая колонии) существовало около 170 монастырей», основание которых восходит к XIV–XV вв.²⁸ По мнению А. В. Камкина, «в целом с конца XV и по XVII век на Севере было основано около 180 монастырей и пустынь»²⁹.

²⁴ Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 233.

²⁵ Ключевский В. О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей // Православие в России: сборник. М., 2000. С. 426; см. также: Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Пг., 1922. С. 14.

²⁶ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви: в 9 т. М., 1995. Т. 3. С. 649–662; *То же*. М., 1996. Т. 4. Ч. 2. С. 339.

²⁷ Бобров А. Г. Монастыри новгородские (до XVI века) // София. 2011. № 1. С. 23.

²⁸ Янин В. А. Монастыри средневекового Новгорода в структуре государственных институтов // ПОЛУТРОПОН. М., 1998. С. 920.

²⁹ Камкин А. В. Указ. соч. Опубликовано: URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/> (дата обращения: 19.07.2023).

Н. К. Никольский писал, что при устройстве монастырей на Русском Севере «принимали участие две главных струи пришлого русского народонаселения: западная (новгородская) и южная (ростово-московская). Обе они внесли... свои культурно-бытовые особенности и дали начало двоякому типу наших северных обитателей: новгородскому и московскому»³⁰. М. К. Любавский также полагал, что один из потоков колонизации Севера шел со стороны Новгорода, а другой — из Ростово-Суздальской земли, Москвы. Оба этих потока встречались в Вологодском крае³¹. Такого же мнения был и Г. Ф. Чиркин, который отмечал, что вначале монастырская колонизация шла на Север из Великого Новгорода и лишь позднее она уступила место колонизации из Низовской земли и великого княжества Московского³². А условной границей «между Новгородским и Суздальско-московским течениями колонизации может служить линия Белозерск — Великий Устюг»³³. Со стороны Новгорода колонизация шла по Волхову в Ладогу (озеро Нево), по реке Свирь, Онежскому озеру, а затем уже до Белого моря. Южные колонисты проникали на Север по Шексне и Вытегре, Сухоне и Северной Двине до Белого моря. Как отмечал Н. К. Никольский, новгородские монастырские колонии были представлены ничтожными «малыми монастырьками». И тип их зависел как от географических и климатических условий, так и от самого отношения Новгорода к своему Северу³⁴. А вот южная (ростово-суздальская, московская) струя колонизации, поддержанная материальной помощью и льготными грамотами белозерских, вологодских и московских князей, создала возможность для развития общежительных обитателей, опиравшихся на вотчинный быт³⁵.

Если принять во внимание, что Михайло-Архангельский монастырь в Великом Устюге был основан в XIII веке; Троицкий монастырь в Вологде на Кайсаровом ручье предположительно тоже в XIII веке³⁶; подвиг ученика преподобного Варлаама Хутынского Антония начался еще в 1243 году, когда на Дымском озере он основал свой собственный монастырь; если

³⁰ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. I. Вып. 1: Об основании и строениях монастыря. С. 1.

³¹ Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. Курс, читанный в Московском университете в 1908–1909 гг. М., 1909. С. 176.

³² Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Пг., 1922. С. 9.

³³ Там же. С. 59.

³⁴ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397–1625). СПб., 1897. Т. I. Вып. 1: Об основании и строениях монастыря. С. 3.

³⁵ Там же. С. 4–9.

³⁶ Казанский П. И. История православного монашества. М., 1855. С. 167; Щекатов А. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде. М., 1801. Ч. 1: А–Г. Стб. 979.

в Устюге в 1250-е годы возник Иоанно-Предтеченский монастырь; а в середине XIII столетия уже существовал на Кубенском озере Спасо-Преображенский монастырь³⁷; затем в XIII веке (около 1278 года) началось строительство первого «на Беле озере»³⁸ Троицкого Усть-Шехонского монастыря; если согласиться с предположением В. В. Зверинского, что Иванский на Малышевой горе монастырь, расположенный на левом берегу реки Волхов в одной версте от Старой Ладоги, «основан архиепископом Новгородским Климентом, бывшим на кафедре с 1276 по 1299 год»³⁹, то начало монастырской колонизации, как, собственно, и появление первых пустынных обителей на Русском Севере, возможно отнести к середине XIII века.

«Приблизительно с середины XIV в., — писал в своей статье “Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.” С. Б. Веселовский, — господствующим типом множества возникавших вновь монастырей становятся так называемые пустынножитные... монастыри с самым строгим уставом восточного образца. Монастыри основываются вдали от городов... действительно в “пустынях”, т. е. в ненаселенных местах»⁴⁰. Здесь можно прийти к общему выводу, что с повсеместным исчезновением общежития и введением в городских и пригородных монастырях своежития аскетически настроенные монахи стали основывать в пустынях по образу скита (ряда построенных в одном месте келий) свои монашеские общины. В пустынном монастыре как бы в уменьшенном виде продолжало реализовываться общежитие. Но данная монашеская община уже не нуждалась, будучи малобратственной, в обширных землевладениях. Для прокормления малого числа братии достаточно было небольших земельных угодий, чтобы разбить огород или засеять своими руками поле, или же завести небольшой по объему промысел, который мог питать братию обители.

Практически единственным источником сведений о начальном периоде истории русских обителей являются жития преподобных и повести, рассказывающие об их основателях. И здесь мы сразу же встречаемся с проблемой доверия к содержащимся в них сведениям. Действительно,

³⁷ Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893. С. 3–4; Остроумов И. Святые нашего Севера: Путешествие по Соловкам, Валааму и другим обителям Северной России: очерки и рассказы. СПб., 1897. С. 137–139.

³⁸ О зачале монастыря Троицкого, что на Усть-Шексны реки... // РГБ. Ф. 178. № 3445. Л. 177 об. (Опубликовано: Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // *Florilegium*. К 60-летию Флори. М. 2000. С. 205).

³⁹ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: в 3 т. СПб., 1890. Т. I. № 209. С. 152–153.

⁴⁰ Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 95.

к ним необходимо подходить с большой осторожностью, так как большинство списков житий святых даже очень древних обителей и повестей об их ктиторах дошли до нас в рукописях XVII, XVIII и даже XIX века, далеко отстоящих от событий, описываемых в них, и не всегда правдивы, в них содержится много неточностей.

По мнению А. П. Кадлубовского, еще В. О. Ключевский, отказывая житиям в достоверности, говорил о том, что в них отсутствуют реальные черты при изображении жизни преподобного, когда их составитель пользовался «общими фразами, шаблонными характеристиками добродетелей»⁴¹, а главное внимание обращалось им не на индивидуальные частности жизни того или иного святого, а на создание общего, идеального типа подвижника. При таком подходе, как резонно замечает А. П. Кадлубовский, по имевшимся «готовым формулам [можно] написать житие [любого] святого, о котором не было известно ничего, кроме имени и того основного содержания его жизни, что он был иноком и подвижником»⁴². Действительно, жития святых содержат массу характерных для произведений агиографического жанра обобщающих мест, типических черт, клише, повторяющихся мотивов, устойчивых (трафаретных) литературных формул-фраз и т. д. Ничего удивительного в этом нет. Таков жанр, таков строительный материал, таковы правила создания агиографического произведения. Но если промаркировать топоры и цитаты и удалить их из текста — что останется? По всей видимости, та индивидуальная информация, которая расскажет нам о фактах биографии преподобного.

Как было установлено по ходу исследования, вне цитат и топоры, которые призваны лишь украшать агиографические произведения «плетением словес», в житиях присутствует достаточно большой объем индивидуальной информации о преподобном. Она составляет не менее трети текста его жития, и эти сведения могут быть по большей части верифицированы.

Когда мы обращаемся к сведениям из житий преподобных, то видим некую закономерность в выборе места для основания обители начальниками монастырей. Это, как правило, ненаселенное, высокое и труднодоступное место, окруженное со всех сторон естественными природными преградами. Наличие рядом с ними озера, реки и горы, на которой основывается обитель, присутствует в большинстве житий преподобных Русского Севера — основателей пустынных монастырей. Прежде всего, озеро или река необходимы как источник воды и пищи (можно было выловить необходимую для пропитания небольшой обители рыбу), что являлось огромным подспорьем пустынножителям. Обычно преподобный при начале монастыря копал себе пещеру, а затем строил келию и часовню для молитвы. Затем он расчищал небольшой участок леса для возделывания небольшого

⁴¹ Кадлубовский А. П. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. III.

⁴² Там же.

огорода, пашни. Вообще, вопрос выживания пустынников и обеспечения себя пропитанием не кажется нам праздным. Охотиться монахам было нельзя, да и ни к чему (мясо они в пищу не употребляют), а вот тему возделывания небольшого огорода мы видим в большинстве житий пустынников.

Место для основания пустынных монастырей, как упоминалось выше, нередко было со всех сторон окружено водой. Таким образом, если мы обобщим сведения о пустынных монастырях, то понятие острова, куда вселяется подвижник, в прямом или переносном смысле этого слова фигурирует в большинстве житий преподобных Русского Севера. Т. П. Амелина по этому поводу замечает: «Воплощая духовно-символический идеал “острова спасения”, уединенного и отдаленного от “мира” еще и водной преградой, многие из них [пустынных обитателей] имели островное или полуостровное расположение»⁴³. По мнению М. М. Шахновича, «при выборе места для отшельнической жизни православные подвижники придерживались определенного канона, по всей видимости, сложившегося в XIV–XV вв.: наиболее часто они осваивали перешейки между озерами, острова или вытянутые мысы», что более всего обеспечивало их пустыническую, в отрыве от мира, жизнь анахоретов⁴⁴.

Для основания своей обители начальник монастыря должен был в обязательном порядке получить жалованную грамоту на землю и благословение епископа. В любом случае, давалась ли земля светским ктиторм, архиереем, вечем или же она покупалась монашествующим основателем обители, но приобретение земли хотя бы с той целью, чтобы на ней расположились только постройки монастыря, являлось неперенным условием для его учреждения. В ситуации, когда после ордынского нашествия число светских ктиторов было небольшим, чаще всего основателями пустынных обителей становились сами монашествующие.

Участие епископа в устройстве нового монастыря четко регламентируется 4-м правилом IV Вселенского Халкидонского собора⁴⁵, а также правилом Двукратного собора 861 г., которое гласит: «Да не будет позволено никому создавать монастырь без ведения епископа, но с его ведения и разрешения и с совершением подобающей молитвы... И да не имеет дерзновения без воли епископа жертвователю ставить себя самого или кого дру-

⁴³ Амелина Т. П. Монастыри южной Карелии и границы их земельных владений // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16–17 октября 2007 года, г. Петрозаводск. Петрозаводск, 2008. С. 66–77 (опубликовано в интернете: URL: <https://textarchive.ru/c-1777744-p7.html> (дата обращения: 20.09.2024).

⁴⁴ Шахнович М. М. Троицко-Сунорецкий монастырь в западном Прионежье: Археологические работы 2007–2011 гг. // Православие в Карелии. Петрозаводск, 2016. С. 164.

⁴⁵ Никодим (Милаш), еп. Правила Православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. М., 2001. Т. I. С. 337.

гого игуменом»⁴⁶. Здесь встает закономерный вопрос: в чем, собственно, состояло благословение епископа на учреждение обители? Благословение от правящего архиерея подразумевало выдачу антиминса. Этот четырехугольный квадратный или прямоугольный по форме шелковый или льняной плат должен находиться на престоле в алтаре во вновь построенной церкви, и без него невозможно совершить Литургию. Антиминс мог освятить и выдать просящему об этом только архиерей. Освящение церкви также невозможно без наличия антиминса. Вот в чем, собственно, и заключалось благословение епископа на начало полной богослужбной жизни любой церкви и монастыря.

Первоначально пустынный монастырь мог не иметь церкви, как, впрочем, и необходимого для служения в ней священника. Насельниками обители строилась для общей молитвы часовня. Упоминания о существовании подобных часовен мы видим в описаниях многих обителей. Затем основатели русских обителей на возвышенном месте (холме) воздвигали первый (как правило, холодный) соборный храм. Кроме главного соборного храма, устраивали и теплые (отапливаемые) с трапезой церкви. Обычно монастырские храмы были срублены из дерева, небольшого размера, их ставили непосредственно на землю (без подклета) на гранитных валунах. Чаще всего это были одноглавые церкви с двускатными тесовыми кровлями, срубленные из клетей и вмещавшие не более 5–6 человек.

Вокруг часовен и храмов возводились монашеские келии. Они были разбросаны вокруг них, скрываясь друг от друга в чаще леса. Что представляла собой келия монаха? По мнению В. А. Бузова, это была приземистая, небольшая бревенчатая, топившаяся «по-черному» избушка (размером 5 × 2,5 м), имевшая «внутри курную печь-«каменницу» на деревянном опечье, дым из которой выходил по специальной деревянной трубе дымохода в окошко или в отверстие в потолке. Отметим, келия пустынного монаха — это отдельно стоящее строение, которое чаще всего располагалось так, чтобы также был виден из окна алтарь соборного храма. Перед нами образ небольшого монастырского селения без какой-либо ограды, где жилища иноков спрятаны друг от друга в глубине леса. С течением времени архитектурный комплекс обители мог претерпевать изменения. Появлялась ограда, образующая небольшое прямоугольное или близкое к квадрату каре (50 × 50 метров), в центре которого располагался холодный соборный храм. Рядом появлялись хозяйственные постройки: скотный двор, конюшня, мельница и т. д., обеспечивавшие существование братии монастыря. В начале формирования монастырского архитектурного комплекса одиноко стоявшие келии сносили и строили общие келейные корпуса. При появлении в окрестностях пустыни мирских поселений и дороги к обители возводили ограду. Когда же монастырь разрастался,

⁴⁶ Цит. по: Морозов М. А. Монастыри средневековой Византии: Хозяйство, социальный и правовой статус. СПб., 2005. С. 114.

приобретая известность, перед западным центральным входом в каре возводились дома для приема паломников. Внешний облик обители говорил о том, что она постепенно переставала быть пустыней.

Рассуждая об уставах пустынных обителей, мы можем констатировать тот факт, что они пришли на Русь уже в эпоху митрополита Киприана. Правда, форма организации монашеской общины в виде пустынного монастыря, скорее всего, была известна русским монахам и ранее. Сергей (Спаский)⁴⁷ и И. Д. Мансветов⁴⁸ предполагали, что с именем Киприана связано появление на Руси Иерусалимского устава, в рукописях которого чаще всего и находился скитской устав. Скитские уставы стали появляться на Руси не только в списках Иерусалимского устава, но и в богослужебных сборниках, в составе Следованной Псалтыри, сборниках текстов церковно-канонического, аскетического содержания. Все эти рукописи были связаны с практикой ранних исихастов. Появление подобного устава, возможно, связано с деятельностью учеников св. Григория Синаита, который приобрел много последователей из славян. Этот текст похож на скитские правила древних египетских, синайских и палестинских монахов, а также на правила Афона более поздних монашеских поселений скитского и лаврского типов, братские кельи которых располагались вокруг маленького общего храма, «куда монахи собирались в субботу и воскресенья для церковной службы»⁴⁹ в часовне или же храме. Скитской устав, помимо чинопоследования богослужения, содержал указания о келейном правиле монаха пустынного монастыря. Для них год делился на два периода: от сентября до Пасхи и от Пасхи до сентября. В первую половину года необходимо было каждый день и днем, и ночью читать не менее половины Псалтыри, произносить от 600 до 1000 «Иисусовых» молитв и класть от 300 до 600 поклонов. Не умеющие читать должны были вместо чтения Псалтыри творить 6000 молитв «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», а за половину Псалтыри — 3000.

Таким образом, как отмечал И. Д. Мансветов, отличительными особенностями богослужения по скитскому уставу, по сравнению с другими уставами, являлись преобладание чтения Псалтыри и максимальное ограничение тех частей службы, которые принято было петь⁵⁰. Пустынники по большей части были заняты одиночной келейной молитвой, число общих собраний было сведено для них к минимуму. В скитском богослужении нет ни стихир на «Господи воззвах», ни входа, ни стихир стиховных,

⁴⁷ Сергей (Спаский), архиеп. Полный месяцеслов Востока: в 2 т. Владимир, 1901. Т. I. С. 189–190.

⁴⁸ Мансветов И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 270.

⁴⁹ Там же. С. 26.

⁵⁰ Белякова Е. В., Лебер Т. Скитский устав в составе Горичского сборника (Архив САНИ. 446) // О Горичском сборнике. Сборник одабранных радова. Подгорица; Београд, 2020. С. 459.

и преобладает чтение Псалтири⁵¹. Это было обусловлено, конечно же, прежде всего практической стороной совершения богослужения. У пустынных не было хора, так как они полагали, что пение рассеивает их сосредоточенное молитвенное внимание.

Еще одной существенной особенностью скитского устава, как говорилось выше, являлось то, что богослужение могло совершаться без церкви и священника. Поэтому в ней нет определенных действий, например, входа, пения «Свете Тихий», светильничных молитв, молитв на литии. Богослужение приспособлено для совершения его лицами, которые не имеют священного сана.

Существовал у иноков и дисциплинарный устав. Фактически, аскетические сборники, содержавшие монашеский дисциплинарный устав и получившие наименование «Старчество», «от старчества»⁵², предназначались для иноков всех типов организации монашеских общин русских обителей⁵³. Прежде всего, они служили делу воспитания новоначальных иноков, которые должны были усвоить правила и внутренний распорядок монашеской жизни. Н. К. Никольский считал, что «в древней Руси „старчеством“ называлась книга, относящаяся к устройству монашеской жизни». Изначально — это *γερουτικόν* (патерики), а затем сборники монашеских правил⁵⁴. Характеризуя одну из рукописей библиотеки Императорского Общества Истории и Древностей Российских, П. М. Строев (?) назвал сборник «Старчество» «курсом монашества», и одна из его рукописей имела заглавие: «Книга глаголемая старчество, зело полезно, како достоин в своей совести иноку быти»⁵⁵. Подобного рода сборниками была строго регламентирована вся внутренняя жизнь инока обители, полностью подчиненная воле его старца-духовника, которого в пустынном монастыре он сам избирал по доброй воле для спасения своей души.

Говоря о социальном служении русских обителей, во второй половине первого тома своей «Истории Русской Церкви» Е. Е. Голубинский справедливо замечает, что монастыри явились вовсе не для целей

⁵¹ Мансветов И. Д. Церковный устав (типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М., 1885. С. 303.

⁵² С. А. Семячко характеризует подобные рукописи «как русские некалендарные сборники устойчивого и относительно устойчивого состава, в той или иной степени связанные со старческой практикой» (Семячко С. А. Письменная традиция древнерусского старчества: Текстологическое, источниковедческое и историко-литературное исследование: дис. ... доктора филол. наук: в 2-х т. СПб., 2016. Т. I. С. 21).

⁵³ Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. (1397–1625). СПб., 2006. Т. 2: Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение. С. 79.

⁵⁴ Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1897. С. 11. Прим. 2.

⁵⁵ [Строев П.] Библиотека Императорского Общества Истории и Древностей Российских. М., 1845. Отделение I. № 250. С. 116.

общественного служения, а для того, чтобы удалиться от мира⁵⁶. В своих рассуждениях преподобный Нил Сорский доходил до полного отрицания подачи монахом милостыни. Если выслушать и поддержать словом утешения пришедшего странника было необходимо, то в помощи хлебом или чем иным монах мог пришедшему отказать. Ссылаясь на слова св. Варсонофия, Нил писал: «Ибо не имеющий лишнего не должен и подавать, и если он скажет я не имею, то не солжет. Видно инока, который может и не творить милостыни: он с открытым лицом может смело сказать: “Се мы оставихом вся и вслед Тебе идохом” (Мф. 19, 27). “Нестяжание — выше всяких подаяний...” Иноческая милостыня в том, чтобы помочь брату во время его нужды советом, утешить его скорбь мудрым рассуждением...»⁵⁷

Малобратственные пустынные обители могли содержаться за счет обработки собственными руками небольшого участка земли либо промыслами. Среди иноков малобратственных обителей было немало собирателей и переписчиков книг, создателей икон. Довольно часто пустынные обители содержались лишь милостынею. Они ставили часовни при дорогах для сбора подаяния. Бывало так, что обители содержались за счет личных средств игумена или пожертвований, собираемых строителем или игуменом монастыря. Ряд пустынных обителей получали помощь в виде руги от государя. Под «ругой» подразумевалась выдача в виде пожалования отсыпного хлеба. Впоследствии вместо хлеба могли выдавать его цену деньгами. «Но преимущественно руга давалась тем, у кого земли не было, и, следовательно, не было постоянного верного дохода...»⁵⁸ Следовательно, пустынные монастыри, не имевшие земельных владений, становились кандидатами на получение руги. Она могла даваться обителям от мирских людей, от целых волостей или даже уездов. Но в основном руга поступала от правительства. Со времен Петра Великого власти предрежащие стремились освободить государственный бюджет от выдачи руги.

В **четвертой главе** «Пустынные монастыри в XV–XVIII веках» обращается внимание на состояние пустынных обителей в XV–XVII веке, говорится о приписке малых монастырей в конце XVII века к более крупным обителям и архиерейским домам, рассматривается понятие «строитель» пустынного монастыря Русского Севера. Также рассматривается вопрос о том, какое влияние малобратственные (пустынные) монастыри Русского Севера оказали на формирование старообрядчества. В заключении говорится о положении малобратственных обителей в XVIII веке.

⁵⁶ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. М., 1881. Т. I. Ч. 1. С. 608.

⁵⁷ Жизнь и труды преподобного Нила Сорского первого основателя скитского жития в России и его духовно-нравственные наставления о скитском пустынножительстве. М., 1889. С. 17–18.

⁵⁸ Верховский П. Б. Населенные недвижимые имущества Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909. С. 255.

Рассматривая состояние монашеских общин пустынных обителей в XV–XVII веке, можно констатировать тот факт, что некоторые из них (далеко не все) с течением времени могли переходить к общежитию. Это случалось тогда, когда община приобретала большое число насельников, что влекло за собой отказ от безвотчинного быта. И все же из материалов писцовых описаний Новгородской земли XVI и XVII вв. мы видим, что подавляющее большинство обителей так и остается безвотчинными пустынями, у которых не было зависимых крестьян.

Необходимо отметить, если мы говорим о Русском Севере конца XVI — первой половины XVII века, то брать большие землевладения под пашню братским общинам монастырей в то время порой не имело смысла. Край после событий Грозненского и Смутного времени обезлюдел. Пахать было некому. Многие из существовавших прежде церквей и монастырей прекратили свое существование. Кроме того, из-за сурового климата владение большими земельными угодьями мало способствовало пропитанию иноков. Так, из грамоты царя Алексея Михайловича от 21 ноября 7161 (1653) года мы узнаем, что братия Красногорского (Черногорского) монастыря не может пропитаться пашней, так как из-за близости «окияна моря хлеб [у них] от морозов позябает...»⁵⁹ Вот еще почему мы можем говорить о нежелании иноков брать вотчины и чем обусловлено наличие на Русском Севере именно безвотчинных малобратственных монастырей.

В Смутное время многие из монастырей были полностью вместе с братией уничтожены и прекратили свое существование. Там же, где иноки смогли спастись, участь их была неприглядной. Часто в писцовых описаниях можно увидеть сообщения, что «после немецкого разоренья монастырь был пуст и старцы скитались между двор»⁶⁰. Но монастыри все-таки постепенно восстанавливали свою деятельность.

В конце XVII века наблюдалась общая тенденция: лишая малобратственные монастыри самостоятельности, приписывать их вместе с принадлежавшими им земельными угодьями вначале к крупным обителям, а спустя непродолжительное время — непосредственно к архиерейским домам. Это объяснялось тем, что многие «монастыри полуразрушенные и бессильные, самостоятельно встать снова на ноги» не могли, ждали посторонней помощи⁶¹. Однако не все малые обители были в таком состоянии. Поэтому мы можем заключить, что грядущей массовой государственной секуляризации церковных земель и имущества в XVIII веке предшествовала церковная секуляризация конца XVII века, вызванная

⁵⁹ Макарий (Миролюбов), архиеп. Историческое описание Красногорского монастыря. М., 1880. С. 126–128.

⁶⁰ Барсов Е. В. Исторический очерк Важеозерской пустыни // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Отд. 3. С. 75.

⁶¹ Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. С. 312.

стремлением любыми методами увеличить доходы крупных обителей и архиерейских домов.

Следует также констатировать общее негативное отношение светских властей к малобратственным монастырям. Со времен Стоглавого собора они отрицательно относились ко всем пустынным монастырям как к явлению в целом, вне зависимости от того, как долго просуществовала та или иная пустынная обитель, несколько месяцев или несколько сот лет. Их требовалось закрыть и запретить впредь устраивать новые⁶². Ответ Московского собора 1681–1682 гг. на «Предложение 13» вполне мог удовлетворить правительство. Архиереи просили: «...чтоб великий государь... своих государственных грамот о строении вновь пустынь отпускать не указал»⁶³.

Много поспособствовал приписке малых монастырей к Новгородскому Софийскому дому владыка Корнилий. Он стал в массовом порядке приписывать к архиерейскому дому малобратственные монастыри с их земельными угодьями, в чем значительно преуспел. По мнению Б. Д. Грекова, за очень короткий промежуток времени с 1685 по 1698-й (год, когда умер владыка Корнилий), то есть примерно за тринадцать лет, из сорока одного малобратственного монастыря тридцать пять были «присоединены к Дому Премудрости Божией им самим...»⁶⁴.

Точно такой же процесс проходил в то время и в Холмогорской епархии. Общее число монастырей в пределах новой епархии ко времени ее открытия было около сорока. Большинство этих обителей были малолюдными⁶⁵. Вновь поставленный холмогорский архиепископ Афанасий (Любимов) по поводу малых монастырей проводил точно такую же политику по их приписке, что и новгородский владыка Корнилий.

---

⁶² В 85 главе «О затворницах и о пустынницах» мы читаем, что мелкие пустыни необходимо «сносити в одну пустыню», где совершаются богослужения. А те пустынные церкви, где службы нет, следует переносить в монастыри или на погосты, где она есть или же есть возможность для того, чтобы она совершалась (Стоглав (Постановления Московского собора 1551 г.) // РГБ. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. I. № 215. Л. 273).

⁶³ АИ. Т. V. № 75. С. 117; Воробьев Г. А. О Московском соборе 1681–1682 года: опыт исторического исследования Григория Воробьева. СПб., 1885. С. 83, 101–102.

⁶⁴ Греков Б. Д. Новгородский Дом святой Софии. (Опыт изучения организации и внутренних отношений церковной вотчины). СПб., 1914. Ч. 1. С. 312, 322.

⁶⁵ Например, в Моржегорском монастыре по состоянию на 1676 г. вместе со строителем было всего 6 человек (столько же вкладчиков-мирян) (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1894. Т. 14. Ч. 2. № CLXXII. 443 стб.); в Спасской Печенгской пустыни Кокшенской четверти Важского уезда в 1691 году вместе со строителем было 5 человек братии; в Макарьевской пустыни (Верховажская четверть) в том же году всего один человек (Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогор. епархии за первые 20 лет ее существования и вообще рус. церкви в конце XVII в.: Церк.-ист. очерк. СПб., 1908. С. 257); в Шеромской пустыни Подвинской четверти в 1660 году — 5–6 человек (Краткое историческое описание монастырей Архангельской Епархии. Архангельск, 1902. С. 136–137).

Приписные монастыри управлялись в основном строителями. Перед рассуждениями о чине строителей монастырей следует сделать существенную оговорку: строитель пустынной обители — это совсем не то, что строитель общежительного монастыря. В общежительной обители должность строителя могла быть учреждена при существовании в ней игумена. В пустынных обителях этого мы не наблюдаем. Во главе малобратственных монастырей стоял либо строитель, либо игумен, но никогда не было того, чтобы они присутствовали в пустынной обители вместе.

В. А. Милютин считал, что «строителями назывались обыкновенно монахи-управители вотчин приписных монастырей; они управляли в одно и то же время и монастырем, и его вотчиной»⁶⁶. И. Н. Шамина полагает, что строители являлись настоятелями в небольших монастырях и пустынях, но их положение было по рангу ниже, чем у игуменов⁶⁷. При исследовании документов Дымской и других пустынных обителей существенной разницы между игуменом и строителем замечено не было. И строители, и игумены в полной мере обладали всеми правами и в равной степени исполняли все обязанности начальствующего в монастыре.

Следует отметить, что малобратственные монастыри нередко становились местом, где скрывались от преследования властей монахи, подерживавшие раскол⁶⁸. Почему любители древлецерковного благочестия устремлялись в пустынные монастыри? Дело в том, что контроль над ними со стороны церковной иерархии был слабым, и они могли себе позволить вполне самостоятельный, свободный образ жизни. Вот еще почему со времен Стоглавого собора власти постоянно пытались подобные обители закрыть.

Здесь также было сильно развито такое явление, как старчество, которое впоследствии сохранялось и поддерживалось в первую очередь в различных старообрядческих согласиях⁶⁹. В малобратственных пустынных монастырях использовался скитской устав, который часто сохранился в качестве приложения в рукописях «Ока церковного», имея заглавие «Предание уставом иже на внешней стране пребывающим иноком, рекше скитского жития правило, о келейном трезвении и катадневном пребывании»⁷⁰. Этот устав, скорее всего, и стал основой для молебний старообрядцев, так как мог использоваться и иноком, и мирянином,

⁶⁶ Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. С. 302.

⁶⁷ Шамина И. Н. Монастыри Вологодского уезда в XVI–XVII вв.: землевание и организация хозяйства: автореф. дис. ... канд. истор. наук: М., 2003. С. 19.

⁶⁸ Старицын А. Н. Отношение к церковной реформе XVII в. в северных монастырях Новгородской митрополии // Труды института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 74.

⁶⁹ Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014. С. 67.

⁷⁰ На этот скитской устав обратила внимание в своих работах Е. В. Белякова (Белякова Е. В. Славянская редакция Скитского устава // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 4 (11). С. 30).

не имевшими священнического сана. Богослужение по этому уставу могло совершаться в пустынях без наличия в них церкви⁷¹.

В начале иноки пустынных обителей укрывали у себя последователей раскола. Затем старообрядцы пытались закрепиться в малобратственных (пустынных) обителях. Дело доходило до захвата пустынных обителей. Это повлекло за собой усиление тотального контроля за монашествующими. Еще и поэтому митрополит Корнилий массово приписывал к Новгородскому архиерейскому Дому малобратственные монастыри⁷². С течением времени монахи, сочувствовавшие старому обряду, были изгнаны и из пустынь, а их место заняли иноки, признавшие нововведения. Кроме того, действенной мерой для того, чтобы старообрядцы не могли причащаться в храмах дониконовской постройки, стала тотальная замена антиминсов церквей.

В свою очередь, только в Поморье с 1670 г. и до конца XVII века, по данным А. Н. Старицына, старообрядцами было основано 33 собственных пустыни⁷³. Причем приверженцы старого обряда не признавали монашеского пострига, полученного в православных монастырях после церковного раскола, и принимали таких людей как мирян⁷⁴. Это еще больше развело старообрядцев и насельников пустынных обителей официальной русской церкви. Да и сами скиты старообрядцев, в которых, помимо монахов и монахинь, проживали миряне («мужики, женщины, девицы...»), постепенно стали представлять собой уже совсем не то, что мы подразумеваем под понятием «пустыня», «скит»⁷⁵.

Когда мы говорим о положении русских обителей в XVIII веке, то прежде всего вспоминаем о введении штатов и секуляризации церковных земель. Но мало кто обращает внимание на то, что именно в это время правительством были практически уничтожены малобратственные монастыри. Острые петровских реформ, закономерным итогом которых стал манифест Екатерины II, было направлено прежде всего против пустынных обителей.

Начиная со времени правления Петра Великого до Екатерины II правительство уже открыто стремилось отобрать в казну все заселенные земли,

⁷¹ Белякова Е. В., Лебер Т. Скитский устав в составе Горичского сборника (Архив САНИ 446) // О Горичском сборнике. Сборник одабранных радова. Подгорица; Београд, 2020. С. 472.

⁷² Пономарев Д. А., свящ. Основание, становление и развитие Тихвинского Антониево-Дымского мужского монастыря. Опыт изучения малого монастыря Русского Севера: монография. СПб., 2022. С. 364–365.

⁷³ Старицын А. Н. Староверческое движение в Поморье во второй половине XVII — первой трети XVIII в. (Опыт изучения и локализации поселений староверов). М.; СПб., 2023. С. 130, 435–439.

⁷⁴ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1883. Т. 6: 1726. Стб. 390.

⁷⁵ Там же.

находившиеся во владении церкви⁷⁶. Почему мы здесь так подробно говорим о секуляризации? Потому что она теснейшим образом связана с положением малых монастырей в конце XVII и в XVIII веке. Реформы Петра Великого создали государственную церковность в России, что еще более усилило финансовое давление на монастыри. 5 февраля 1724 года во исполнение «Духовного Регламента» по повелению Петра издается указ «малобратственные монастыри и пустыни сводить с прочими в совокупление неотложно, без продолжения, а оныя пустынки весма упразднить»⁷⁷.

Секуляризация в рамках православного государства не могла быть осуществлена одномоментно. Решения отобрать земли или доходы с них то принимались, то отменялись. Малобратственные монастыри то присоединяли к крупным, то вновь возвращали им самостоятельность. Такое положение вещей сохранялось вплоть до времени правления Екатерины II. После прочтения государственных законодательных актов петровского времени может показаться, что во всем виновата слишком жесткая секулярная политика самого Петра и его правительства. Но она порой активно поддерживалась чиновниками от церкви и правящими архиереями.

Однако даже «разборы» времен императрицы Анны Иоанновны не смогли окончательно уничтожить малобратственные обители. Результатом принятия петровских законов, которые продолжали действовать и во время правления Анны Иоанновны, явилось то, что состав монашеских общин, их численность теперь стала формироваться в монастырях не по усмотрению настоятелей и старшей братии, а регулировалась российским законодательством⁷⁸. Поэтому число монашествовавших в обителях было сведено к минимуму.

Точку в деятельности пустынных обителей поставило правительство Екатерины II. В соответствии с императорским указом от 31 марта 1764 года, «за штатом», т. е. без казенного пособия, во всех епархиях Русской Православной Церкви оказался 161 мужской монастырь⁷⁹ (заштатные женские монастыри были не предусмотрены)⁸⁰. В число «заштатных» могли попасть лишь те обители, которые «неоскудное к содержанию своему от мирского подаяния» имели. Отводить им земли и прочие угодья запрещалось. Предписывалось «нигде, ни под каким видом» без особого разрешения Его Императорского Величества новых безвотчинных монастырей и пустынь не строить⁸¹.

⁷⁶ Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862. С. 414.

⁷⁷ ПСПиР. Т. 4.: 1724–1725, января 28. СПб., 1877. № 1200. С. 61.

⁷⁸ Нечаева М. Ю. «Монашества лишить и... разослать на прежние жилища» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2016. № 3 (70). С. 53.

⁷⁹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16. № 12121. С. 698.

⁸⁰ Смолич И. К. Русское монашество: 988–1917. Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 278.

⁸¹ ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16. № 12121. С. 698.

По высочайше утвержденному докладу Комиссии о церковных именинах «О безвотчинных и на своем содержании состоящих монастырях и пустынях» в заштатных монастырях полагалось иметь по одному строителю и «по шести братьев». Отлучаться из таких монастырей для сбора подавания и милостыни также категорически запрещалось⁸².

27 августа 1764 года новгородским митрополитом Димитрием (Сеченовым) в Святейший Правительствующий Синод и Коллегию Экономии за № 761 была представлена ведомость о штатных и упраздненных монастырях Новгородской епархии. Всего в ведомости значилось 22 штатных и заштатных монастыря, из которых 15 были мужскими и 7 — женскими. Из девяноста пяти монастырей Новгородской епархии было закрыто семьдесят три. В Олонецкой губернии было упразднено и обращено в приходские церкви еще 20 монастырей⁸³.

Если в методологическом смысле мы хотим определить, какой из монастырей был пустынным, малым (малобратственным), то можем с большой долей уверенности сказать: именно тот, который начиная с конца XVII века был приписан к какой-либо крупной обители, затем к архиерейскому дому и окончательно прекратил свое существование с началом петровских реформ. В массовом порядке малобратственные монастыри были закрыты в правление Екатерины II. Только единицы впоследствии продолжили свою деятельность.

Диссертацию завершает **заключение**, в котором подводятся итоги исследования. Здесь отмечается, что существующие на сегодняшний день исследования охватывают далеко не все русские православные обители. Это обусловлено тем, что прежде всего исследователей интересовали документы архивов крупных монастырей, работа над которыми продолжалась с начала XVIII века и продолжается по сей день. Ученые осваивали те архивные документы, которые были для них более доступны. С малобратственными пустынными обителями, хотя число их в разы превышало число крупных и средних обителей, мы видим совершенно иную ситуацию. Источники по их деятельности единичны, сохранность невелика и число документов малочисленно. Розыск их в архивах требует значительных усилий.

Нельзя также отрицать того факта, что подавляющее большинство существующих ныне работ о монастырях Русской Православной Церкви посвящено социально-экономическим проблемам монастырей, а вот докладов на научных конференциях, статей, научных монографий, посвященных внутренней, духовной жизни насельников обителей, еще чрезвычайно мало. Монографии и научные статьи о малобратственных монастырях фактически только начинают появляться. Тема эта и с теоретической, и с практической точек зрения разработана явно недостаточно. И хотя уже

⁸² ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 16. № 12121. С. 698.

⁸³ Чудецкий П. И. Опыт исторического исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев, 1877. С. 45.

опубликованы работы, которые в какой-то степени можно отнести к реконструкции истории малобратственных монашеских общин, но четко границы этого исторического явления так до сих пор и не определены.

На сегодняшний день не существует внятной типологии русских православных обителей. А разделение обителей на крупные, средние и малые по числу имевшихся у монашеских общин землевладений не отвечает современному состоянию исторической науки.

По ходу проведения исследования и выявления проблем при изучении малобратственных монастырей можно прийти к выводу, что подобные монашеские общины, деятельность которых началась со второй половины XIII века, когда были основаны в результате монашеской колонизации Русского Севера первые пустынные монастыри, могли осуществлять свою деятельность без какой бы то ни было серьезной помощи со стороны государства и состоятельных ктиторов, что существенно отличает их от более крупных обителей с их вотчинным бытом. Общины малобратственных монастырей в меньшей степени зависели от окружавшего их мира, отличались самостоятельностью в принятии решений, представители их были заняты духовной, а не внешней деятельностью, стремились к достижению монашеского идеала — постоянного и непрерывного общения с Богом.

В малобратственных монастырях, ставших в конце XVIII века заштатными обителями, монахи успешно сочетали крестьянский труд на полях своих монастырей, труд по обслуживанию промыслов, труд по созданию культурных материальных ценностей с духовным делом, которое регламентировалось требованиями особого скитского устава, появившегося на Руси с началом XIV века.

Однако с началом XVII века духовная жизнь в малобратственных пустынных обителях начала заметно ослабевать, что позволило светским правителям начиная со времен правления великого князя и царя Ивана IV Грозного взять курс на полное уничтожение этих монашеских общин, пользовавшихся заметным влиянием на умы русских людей. Этот курс окончательно был законодательно оформлен при Петре Великом. На его основе при Екатерине Великой пустынные обители были практически полностью физически уничтожены.

При изучении деятельности малобратственных монастырей значительная часть вопросов и задач, которые возникали при начале исследования, получила свои ответы, а поставленные задачи были решены и проиллюстрированы примерами. Цель исследования также была достигнута. В основном были обозначены те проблемы, которые были выявлены при изучении такого исторического явления, как малобратственный пустынный монастырь. Были определены границы и дано определение данного исторического явления. Однако многие стороны жизни как пустынных обителей, так и в целом монашества на Русском Севере требуют еще более глубокого и детального изучения.

По материалам исследования были выполнены следующие публикации:

Монографии:

1. *Пономарев Димитрий, свящ.* Житие преподобного Антония Дымского как достоверный исторический источник / Д. А. Пономарев. — СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. — 256 с.: ил.

2. *Пономарев Димитрий, свящ.* Житие преподобного Антония Дымского и история созданного им монастыря / Д. А. Пономарев. — СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2015. — 240 с.: ил.

3. *Пономарев Д. А., свящ.* Антоний Дымский и история основанного им монастыря от времен Александра Невского до современного Тихвина / Д. А. Пономарев. — СПб.: Издательский дом «Инкери», 2020. — 208 с.: ил.

4. *Пономарев Д. А., свящ.* Основание, становление и развитие Тихвинского Антониево-Дымского мужского монастыря. Опыт изучения малого монастыря Русского Севера: монография / Д. А. Пономарев. — СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2022. — 632 с.

Статьи в журналах в соответствии с перечнем ВАК и общецерковным перечнем рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей ученой степени доктора церковной истории:

5. *Пономарев Димитрий, свящ.* О начале Антониево-Дымского монастыря // Христианское Чтение. — СПб., 2015. — № 6. — С. 39–58.

6. *Пономарев Димитрий, свящ.* Переписка библиотекаря Свято-Пантелеимонова монастыря схимонаха Матфея (Ольшанского) с выдающимися деятелями науки России // Христианское чтение. — СПб., 2016. — № 4. — С. 263–283.

7. *Пономарев Димитрий, свящ.* О посольстве преподобного Антония Дымского в Царьград // Христианское Чтение. СПб., 2017. — № 2. — С. 386–398;

8. *Пономарев Димитрий, свящ.* Малые монастыри Русского Севера: к постановке проблемы // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Научный журнал: Материалы научной конференции «Властные, социальные и религиозные институты Древней Руси: история взаимодействия и взаимодействия», Санкт-Петербург, 21–22 и 25–26 июня 2018 года // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2018. — Вып. 2 (10). — С. 76–87.

9. Пономарев Димитрий, свящ. Русские монастыри в церковной и светской историографии XIX – начала XX веков // Вестник РХГА. — 2018. Т. 19, вып. 2. — С. 163–172.

10. Пономарев Димитрий, свящ. Св. Александр Невский как ктитор Антониево-Дымского монастыря // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях.: научный журнал: Материалы научной конференции «Св. Александр Невский и его эпоха в духовной культуре России», Санкт-Петербург, 19–20 октября 2020 года. Вып. 1 (12). — СПб., 2020. — С. 54–69.

11. Пономарев Д. А., свящ. Типология русских монастырей в зависимости от формы их организации // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2021. — № 4 (16). — С. 55–77.

12. Пономарев Д. А., свящ. Малые (малобратственные) монастыри Русского Севера в конце XVII – первой половине XVIII века // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2021. — № 3 (19). — С. 77–90.

13. Пономарев Д. А., свящ. Монашествующие погостских церквей Новгородской земли (по материалам кадастровых описаний конца XV — XVII века) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2024. — № 1 (25). — С. 122–143.

14. Пономарев Д. А., свящ. Старообрядчество в истории малых (пустынных) монастырей Русского Севера // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2024. — № 4 (28). — С. 1–16.

15. Пономарев Д. А., свящ. О дате кончины преподобного Варлаама Хутынского // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал / Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб.: Изд-во СПбДА, 2024. — № 2. — С. 66–72.

16. Пономарев Д. А., свящ. О выборе места преподобными для основания пустынного монастыря на Русском Севере // Православный собеседник. — Казань: Казанская православная духовная семинария, 2025. — № 2 (38). — С. 8–16.

17. Пономарев Д. А., свящ. Архитектурный канон малобратственных пустынных монастырей // Православный собеседник. — Казань: Казанская православная духовная семинария, 2025. — № 2 (38). — С. 17–30.

18. Пономарев Д. А., свящ. Малобратственные монастыри при Петре Великом // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. — СПб., 2025. — № 1 (21). — С. 57–64.

19. Пономарев Д. А., *свящ.* Как молились иноки в малобратственных пустынных монастырях Русского Севера // Русско-Византийский вестник. — СПб., 2025. — № 2 (21). — С. 1–7.

20. Пономарев Д. А., *свящ.* Безвотчинные монастыри в писцовых книгах Новгородской земли // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — СПб., 2025. — № 4 (32). — С. 1–21.